

Ю. А. Тихонова

Студентка 1 курса, группа ЭФ-18-2 института финансов и права, Уральский государственный экономический университет; 620219, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62; e-mail: name.tih10@gmail.com
Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. М. А. Клинова

**СЛЕД ЧЕЧЕНСКОЙ ВОЙНЫ:
ОЦЕНКИ ИСТОРИКОВ И ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ КОНФЛИКТА**

В данной работе мы обратимся к проблематике Чеченского конфликта (1994-1996 гг.). В работе рассмотрены проблемы военной повседневности и последствий войны (экономических, психологических, экологических, а также людских потерь). Источниковую основу исследования составили работы историков, воспоминания очевидцев, опубликованные материалы журналистских расследований.

Ключевые слова: чеченские войны, военная повседневность, военные конфликты, воспоминания.

Yu. A. Tikhonova

Student 1 course, group EF-18-2 of the Institute of Finance and Law, Ural State University of Economic, Ekaterinburg, Russia
Scientific adviser – Candidate of History, Associate Professor M. A. Klinova

**THE CHECHEN WAR TRAIL:
HISTORIANS' ESTIMATES AND MEMORIES OF THE PARTICIPANTS IN THE CONFLICT**

In this paper we turn to the problems of the Chechen conflict (1994-1996). The paper deals with the problems of the military everyday life and the consequences of war (economic, psychological, environmental, and also human losses). The basis of the study was the work of historians, eyewitness recollections, published materials of investigative journalism.

Keywords: Chechen wars, military everyday life, military conflicts, memories.

На Чеченский конфликт (1994-1996 гг.) оказали воздействие ряд факторов. Это – неконсолидированность российского общества и власти, ее слабость после радикальной смены строя и разрушения старых управленческих институтов. Это – инерция холодной войны и огромный арсенал профессиональных борцов с коммунизмом, которые не удовлетворились распадом СССР и готовы были пустить Россию по новому кругу дезинтеграции. В данной работе для изучения проблематики Чеченского конфликта мы обратимся к историческим исследованиям, воспоминаниям очевидца войны, солдата Руслана Абикенова, (моего дяди), опубликованным материалам журналистских расследований.

Среди боевиков, которых было 5-6 тысяч человек, быстро овладевших методами партизанской войны не все были чеченцами. С начала конфликта в рядах боевиков присутствовали профессиональные «солдаты удачи», хотя доля иностранцев и «обровольцев» из других регионов России была невелика [6]. В Чечне имело место нашествие большого числа людей, движимых разными мотивами, в том числе и криминальными; и благородным желанием помочь прекратить войну [4]. В целом, в Чечне проявился постсоветский феномен массового выхода из под контроля государственной власти части общества, в котором еще не утвердились новые нормы управления. В данном регионе вызов существующему порядку обрел форму организованного сопротивления благодаря двум факторам: этнической консолидации населения и массовому вооружению [6].

На специфику ведения военного конфликта оказали влияние экономические сложности, переживаемые РФ в 1990-е гг. Отсутствие у Министерства обороны финансовых средств привело к тому, что в течение нескольких лет органы военного управления почти не занимались боевой подготовкой. Командующие не были готовы к управлению войсками в реальной боевой обстановке. Военнослужащие не получили практики в стрельбе, вождении, выполнении других боевых задач. Не было денег на закупку вооружения и снаряжения для сил общего назначения, в связи с чем боевики были лучше оснащены, чем армейские части [1, с. 233-234]. О лучшем оснащении боевиков вспоминают очевидцы событий: *«У боевиков были новые средства связи, об этом знали все...», «приказы отдавались почти шепотом за несколько минут до операции, чтобы избежать утечки информации», «без боеприпасов не сидели – хватало, просто часто нужна была подмога, в горах кругом снайперы, а мы в танках просматриваемся со всех сторон».* (сноска? или это устное свидетельство?) [7].

Из воспоминаний очевидцев тех событий мы узнаем о повседневности российских военнослужащих: *«Еда была как обычно в армии – каша и тушенка, но солоники и бензина было много, меняли на мясо и другую еду у местных»* [7].

Чувства солдат, переживаемые в процессе нахождения в Чечне, по разному описываются очевидцами: *«была страшная окопная болезнь, когда невозможно было заставить себя выйти на открытое пространство, казалось, что за каждым углом сидит снайпер»* [7]. *«Часто не понимали, кому это надо было? Отдали на растерзание? Нам отдавали приказы. Мы выполняли. Как вообще выжили, как не боялись? Как под гипнозом были, чувство страха утрачено»* [7].

Описания военных событий не обходится без воспоминаний о жертвах, свидетельствующей о жестокости происходящего: *«Были случаи, когда находили наших пленных солдат - раненных от мучений»* [7]. *«снайперша, как будто издевалась надо мной – сначала пули фонтанчиком возле ног, потом слева, справа, но наводчик по блику прицела вычислил ее ... и я выжил, а она нет»* [7].

Ещё одним фактором военной кампании была работорговля, которая приобрела характер национального бизнеса. Во множестве домов содержались русские «рабы». Выкупы составляли миллионы долларов США.

Один из самых острых и болезненных вопросов любой войны – это масштаб потерь... Точных цифр потерь в чеченской войне не существует. В первую очередь – это боевые потери. В период мирной «передышки» летом 1995 г. министр внутренних дел России А. Куликов сообщал «точные цифры потерь» федеральных войск по состоянию на 1 августа 1995 г.: погибло 1867 чел., ранено 6481 и 252 пропали без вести, 36 чел. насильно удерживаются боевиками. По замечанию В.Ф. Цветковой конкретных данных о количестве российского контингента, участвующего в Чеченской войне, нет [8, с 252-259]. Нет единого мнения и в оценке потерь русского населения Чечни. Приводимые в различных источниках цифры очень разнятся между собой: около 30 тыс. русского населения в Чечне было вырезано; около 200 тыс., бросив квартиры и имущество, бежали и более 500 тыс. самих чеченцев уехали [5].

Экономические потери были огромны. Сумма ущерба по самым приблизительным подсчетам составила 1500 трлн. руб. И это все при нехватке денег для других регионов Российской Федерации. Не боевые последствия не измерить финансами. Отсутствие доходов у значительной части населения приводило к истощению и болезням.

Война нанесла серьёзный вред экологической обстановке территории. Главную опасность таили нефтехранилища, хранилища радиоактивных отходов, которые могли быть взорваны в результате терактов. На полях Чечни почвенный слой разворочен гусеницами танков. На пастбищах исчезли стада. Совхозы разрушены. Леса вырубали, заготавливая дрова из-за отсутствия газа в селах. Нищета и безработица многих толкнула на наркобизнес.

Тяжелыми были и психологические последствия данной военной кампании для военнослужащих, вернувшихся с той войны: *«Да отслужил. Да выжил. Наблюдался в госпитале ветеранов войн. Нашел работу. Но обостренное войной чувство справедливости, смещение ценности жизни не давало постоянства и спокойствия... Семья и ребенок – это короткий период счастья, и как оказался иллюзорный. Помогло ли это забыть то, что он видел? Нет. Бег по кругу в поисках себя привел и к уходу от близких в никуда, даже в криминал...»* [7].

След вооруженного конфликта в Чечне – это многочисленные жертвы, огромный моральный и материальный ущерб. Для участников боевых действий в Чечне предусмотрен набор мер государственной поддержки: обеспечение жильем за счет государства, определенные трудовые преимущества, повышенная пенсия и т. д. Кроме того, для указанной категории россиян существуют и другие гарантии: профподготовка, внеочередное потребление услуг оздоровительных, культурных и прочих организаций. Право на получение социальной поддержки имеют не только сами ветераны, но и члены их семей, в том числе дети [6].

Научное изучение Чеченского конфликта осложнено тем, что многие факты не зафиксированы документально, анализ событий и их последствий основан на журналистских публикациях и рассказах свидетелей, которые неохотно делятся подробностями по разным причинам [2]. Как отмечает солдат Абикенов Руслан: *«Может не ворошить прошлое? Могло быть и хуже...», «Зачем вам знать подробности? Все там страшно было, живите спокойно...»*, [3, с. 442-443].

Литература

1. XX век – век войн и революций / под ред. М. К. Елисафенко, М. В. Попов; УрГПУ. – Екатеринбург, 2016.
2. Ефимов Ю. Г. Этнополитический конфликт в субъекте Российской Федерации : на примере Чеченской республики. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/etnopoliticheskii-konflikt-v-subekte-rossiiskoi-federatsii-na-primere-chechenskoj-respubliki#ixzz5Y30A16vT>.
3. Прокопенко И. С. Чеченский капкан. Между предательством и героизмом. – М.: Издательство «Э», 2017. – С. 1-11, 442-443.

4. Рубин Михаил, Химшиашвили Полина, Ульянова Жанна, Нетреба Петр, Солопов Максим. 20 лет с начала войны: как чеченский конфликт изменил Россию. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/26/11/2014/5475df2ccbb20f6a2105d2cc>.
5. Рязанцев С. В. Последствия военных действий в Чеченской республике в демографическом, социальном и экономическом отношении // Демографический и миграционный портрет Северного Кавказа. – Ставрополь: Сервисшкола, 2003.
6. Тишков Валерий. Геополитический анализ чеченского кризиса. – Режим доступа: <http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/geopolitic.html>.
7. Устное свидетельство солдата Руслана Абикенова.
8. Цветкова В. Ф. «Цена» чеченского конфликта (по материалам периодической печати) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – С. 252-259.